

Александр Михайлюк

ХУЛИГАНСТВО В СЕЛАХ УКРАИНЫ НАЧАЛА XX В. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Хуліганство розглядається як явище, генетично пов'язане з народною сміховою культурою, як форма інвективи і антиповедінки. На початку XX ст. під впливом наслідків модернізації хуліганство раптово набуло масової форми і загрозливих розмірів.

Ключові слова: хуліганство, сміхова культура, антиповедінка.

Хулиганство рассматривается как явление, генетически связанное с народной смеховой культурой, как форма инвективы и антиповедения. В начале XX в. под влиянием последствий модернизации хулиганство внезапно приобрело массовую форму и угрожающие размеры.

Ключевые слова: хулиганство, смеховая культура, антиповедение.

Hooliganism is observed as the phenomenon genetically related to the risorial folk culture. It's the form of invective and anti-behaviour. In the early XXth century hooliganism influenced by the effects of modernization has a mass form and threatening sizes.

Keywords: hooliganism, risorial culture, anti-behaviour.

В начале XX в. проблема хулиганства приобрела значительную остроту и имела широкий общественный резонанс. Всплеск хулиганства вызвал крайнюю озабоченность общественности. О масштабах его распространения можно судить по периодической печати того времени. Хулиганство стало рассматриваться как один из наиболее тревожных симптомов морального нездоровья общества, показатель морально-психологического кризиса, переживаемого страной. Особенно тревожило современников распространение хулиганства в деревнях. Рассмотрению различных аспектов проблемы хулиганства посвящены работы криминалистов, государственных и общественных деятелей, служителей церкви, литераторов и публицистов [3; 4; 7; 9; 10; 16; 17; 21; 30 и др.]. Авторы, в зависимости от политической позиции, высказывали различное мнение относительно природы этого явления. Одни признавали хулиганство бытовым явлением чисто русской жизни, вылившимся в определенные формы в связи с политическими событиями. Другие считали хулиганство явлением социальным, с которым и бороться можно лишь мерами социального порядка. Третьи усматривали причины хулиганства в упадке религиозной жизни, падении нравственности, нарушении основ традиционного уклада, разрушении семейных отношений и т. п.

В середине 20-х гг. XX в. в связи с новым всплеском хулиганства и кампанией по борьбе с ним появляется целый ряд работ, рассматривающих юридический, социальный, исторический, психологический аспекты этого явления [5; 18; 31; 32 и др.]. В последующий период тема хулиганства рассматривалась, главным образом, в специальной юридической литературе. В исторической науке проблема хулиганства начала XX в. редко привлекала внимание. Если к ней обращались, то исключительно в русле ленинских оценок, согласно которым хулиганство – это «следствие невероятного ожесточения крестьян и *первичных форм их протеста*» [17, с. 274]. Во многих работах сугубо хулиганские поступки трактовались как проявления революционной борьбы крестьян. Тема хулиганства начала XX в. практически не рассматривается в современной украинской историографии. В российской историографии можно назвать лишь несколько работ, авторы которых касаются явления хулиганства [1; 6; 29; 34; 36]. Немногие авторы проявляют интерес к этой проблеме и в западной историографии [35; 37; 38]. Таким образом, существует потребность более глубокого и всестороннего исследования проблемы хулиганства в селах Украины начала XX в.

Не смотря на многочисленные попытки модернизации, к началу XX в. огромные слои населения Российской империи, прежде всего крестьянство, находились в рамках «традиционного общества». Жизнь крестьянина была жестко регламентирована, задана или, говоря современным языком, запрограммирована всем хозяйственным укладом, законом и традициями. Необходимость постоянного следования нормативам культуры порождает потребность в хотя бы кратковременном нарушении их, выходе из рамок добропорядочного, размеренного, повседневного «культурного поведения». Инвектива выступала как простейший и доступный способ освободиться от культурных норм, снять напряжение, вызванное трудностями их соблюдения, и получить временную психическую разрядку.

Иерархия «верха» и «низа», жесткая структуризация социальных связей, противопоставления официальной «серьезности» эмоциональным проявлениям «естественного» поведения объективно противопоставляет «официальную» культуру тем сферам народной культуры, которые находятся в оппозиции к культуре господствующего класса и вырабатывают, как показал М. М. Бахтин «свою особую точку зрения на мир и особые формы его образного отражения» [2, с. 484]. Яркое выражение эта оппозиция находила в народном празднике. В нем четко прослеживается стремление обесценить элитарные нормы поведения. «Смеялась “вторая природа” человека, смеялся материально-телесный низ,

не находивший себе выражения в официальном мировоззрении и культе» [2, с. 88]. Карнавалый смех, сугубо амбивалентный по своей природе, разрушает всякую иерархию, развенчивает устоявшиеся догмы, инвертирует и снимает оппозиции. Здесь проявляется карнавальная игра со смертью и границами жизни и смерти, игра в столкновение ничтожного и серьезного, страшного [2, с. 495].

Но Бахтину присуща некоторая идеализация смеха, выявление исключительно положительных его сторон, при почти полном отсутствии критического отношения к народной смеховой культуре. В тех же карнавалый побоях и издевательствах, которым уделяет внимание Бахтин, усматривается прямое насилие над личностью, как духовное, так и физическое. Карнавал элиминирует личность. Карнавал — это невменяемость, обезличенность и безответственность.

Праздник в народном восприятии был неразрывно связан с выпивкой. «Пьянство и праздники – одна из религиозных обязанностей народа», – писал В. О. Ключевский [14, с. 354]. Сельское пьянство было обусловлено обрядовыми мотивами и общественными обычаями, имело во многом ритуальный характер.

В обширной области народной культуры существенный вес имеет нецензурная лексика, которая и по сей день очень характерна для русского языка, а для различных форм антиповедения обращение к ней становится практически неизбежным. Матерное ругательство, происходящее из языческой архаики и имеющее ритуальные корни (см.: [27]), являет собой форму инвективы.

«Пьянство, разгул, сквернословие, непристойные песни – все это не только “извинительно для праздника”, но временами считается даже необходимым», – писал «Церковный вестник» [25, с. 353–354]. Антиповедение (т. е. обратное поведение, поведение наоборот, сознательно нарушающее принятые социальные нормы) всегда играло большую роль в быту. Часто оно имело ритуальный, магический характер, выполняя при этом самые разнообразные функции (в частности, номинальную, вегетативную и т. п.). Оно соотносилось с календарным циклом и, соответственно, в определенные временные периоды (например, на святки, на масленицу, в купальские дни) антиповедение признавалось уместным и даже оправданным (или практически неизбежным) (см.: [26]). Повседневная жизнь представляла как постоянное смена «правильного» (нормативного) и «неправильного» поведения (т. е. антиповедения). В традиционной культуре эти проявления антимира ограничивались праздничным пространством и временем. Разумеется, очень часто приходится наблюдать экспансию антиповедения, которое

никак ситуационно не обусловлено. Но даже в этих случаях антиповедение не приобретает самостоятельный ценностный статус: антиповедение остается обратным, перевернутым поведением, т. е. воспринимается как нарушение принятых норм [27, с. 131–133].

Как отмечает Бахтин, карнавальнй синтез, характерный для европейских стран (Италии, Франции, Германии), в России «вовсе не совершился: различные формы народно-праздничного веселья как общего, так и местного характера (масленичного, святочного, пасхального, ярмарочного и т. п.) оставались необъединенными и не выделили какой-либо преимущественной формы, аналогичной западноевропейскому карнавалу» [2, с. 242]. Карнавал не был локализован во времени и пространстве, а был как бы распылен в повседневности.

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи происходила масштабная социокультурная трансформация общества, которая сопровождалась кризисом традиционных представлений и ценностей большинства населения. Пореформенная капиталистическая эволюция внесла в традиционный способ жизни крестьянства ряд радикальных изменений и отразилась на его социально-психологической самобытности. В результате ускоренной, навязанной извне модернизации нарушается замкнутость сельской жизни, происходит наслоение культурных пластов, в одно и то же время сосуществуют и эклектически смешиваются разные культурные формы, возникает ситуация «подмены языков», когда культурные формы под воздействием необычных ситуаций, необычных интенций вынуждены функционировать необычным образом, в результате чего и возникает социальный конфликт [8, с. 39]. В крестьянском сознании гротескно, переплетались традиционные и новые, порожденные вторжением современной цивилизацией, смыслы и представления. Происходила, используя терминологию М. М. Бахтина, карнавализация сознания. Процессы модернизации, разрушая традицию, давали своеобразный стимул проявлениям «низовой» культуры. Отмечается экспансия антиповедения. Формой антиповедения стало хулиганство.

Хулиганство воспринималось современниками как возникшее внезапно и в массовой форме. Это явление определялось, как «что-то в народной жизни дикое, пугающее, непонятное». «Журнал министерства юстиции» писал: «Со всех концов России от Архангельска до Ялты, от Владивостока до Петербурга, в центры летят сообщения об ужасах нового массо-вого безмотивного преступления, которое мешает населению мирно жить, развиваться, дышать. Деревни охвачены ужасом, города в тревоге, а земства и городские общественные управления нервно реагируя на

будущую беду, – “дикий размах хулиганства”, – ищут выхода и вырабатывают меры борьбы с хулиганством» [10, с. 51]. Этот вид преступности, впервые отмеченный в городах, получил распространение также и в сельской местности.

Развитие хулиганства принудило Министерство внутренних дел поставить на обсуждение вопрос о хулиганстве и о борьбе с ним. В феврале 1912 г. было созвано специальное совещание губернаторов для выработки мероприятий по борьбе с хулиганством. Святейший синод циркулярным указом от 20 марта 1913 г. поручил епархиальным преосвященным доставить отзывы о развитии хулиганства, о причинах сего зла и о мерах против его развития (см.: [4]). На угрожающий характер хулиганства указывалось в Циркуляре министерства внутренних дел от 28 июня в 1913 г. Авторы циркуляра указывали в числе признаков хулиганства, как особенно важный и характерный, неуважение к стар-шим, к духовенству и местным властям [33, л. 4]. В 1913 г. министерство юстиции разработало и внесло на рассмотрение в Государственную Думу законопроект о борьбе с хулиганством. Хулиганству были посвящены не только много-численные губернские и уездные собрания, заседания губернских присутствий, но и три заседания Государственной Думы (8 марта, 15 и 29 апреля 1913 г.). Хулиганство привлекло внимание X-го собрания русской группы Международного союза криминалистов, состоявшегося 13–16 февраля 1914 года.

Понятие хулиганства в обычном словоупотреблении в то время отличалось крайней расплывчатостью и неопределенностью. В литературе отмечалось отсутствие объективного признака в понятии хулиганства и указывалось, что хулиганским может быть всякое деяние в зависимости от его характера, и тогда оно должно являтьсяотягчающим моментом. Многие юристы придерживались мнения, что хулиганства как такового нет, а есть только хулиганские потребности и хулиганские настроения. Характерным признаком хулиганства они считали его безмотивность, бесцельность. В законопроекте министерства юстиции о борьбе с хулиганством не было дано определение хулиганства как самостоятельного вида преступления: «Точно указать в законе, какие преступные деяния должны почитаться хулиганством, не представляется возможным, так как хулиганство есть в сущности оттенок преступления, и по хулиганским побуждениям может быть учинено всякое преступное деяние» [13, с. 103]. На собрании русской группы Международного союза криминалистов, где обсуждался вопрос об определении уголовно-правового понятия хулиганства и о соответствующем дополнении закона, прийти к единому мнению не удалось.

Русская общественность начала XX в. расценивала это явление, как сложившееся из сравнительно невинных поступков с характером озорной шутки, хотя подчас насмешливой и злой; оно вырастало из низов народа незамеченным, охватывало преимущественно молодежь, передавалось от одного к другому, как психическая зараза; превратившись в грозное стихийное движение, приобрело все признаки уголовного преступления [5, с. 18].

Явления, подобные хулиганству, имели место и раньше, хотя и не в столь массовой форме. Специфические хулиганские проявления встречались уже в период Киевской Руси (Васька Буслаев). В Соборном Уложении Алексея Михайловича (1649 г.) содержится указание на озорство и бесчинство, процветавшие в те годы среди «городских отбросов». Н. В. Гоголь описал явления народного быта, весьма напоминающие хулиганство (гуляния парубков в «Майской ночи»). Бахтин отмечал, что традиции гротескного реализма на Украине (как и в Белоруссии) были очень сильными и живучими [2, с. 486]. Они имели разные формы выражения. В явлении хулиганства присутствует сильный игровой момент, оно связано с народной «смеховой» культурой. Народные праздники и гуляния также сопровождались озорством. Во время праздников молодежь часто совершала хулиганские выходки: запирали снаружи дома, снимали ворота, мазали стены дегтем, выпускали из сараев скот и тому подобное. Такие действия были пережитками языческих ритуалов [12].

Примечательно, что новое иностранное слово «хулиганство» быстро и легко вошло в лексикон не только образованных слоев, но и крестьян. Его широкое использование в обиходе, журналистике, а затем в уголовном законодательстве можно объяснить тем, что подобные хулиганству действия в России обозначались созвучными ему словами: «хула», «богохульство», «богохульник».

Внимательные наблюдатели той эпохи подмечают появление в деревне молодечества, разгула, щегольства, расточительности, компанейства и товарищества, жажды жизни, моды и подражательности, нового лексикона, новых танцев и развлечений, появление особого бонтона у деревенской золотой молодежи с повышенным самолюбием и стремлением обратить на себя внимание. Появился новый тип деревенских озорников – «баловники, пакостники и мучители, зачинщики, запевалы и соблазненные подражатели: слабовольно разнузданные, легкомысленные, яркие индивидуальности; не укладывающиеся в рамки повседневности; дерзающие циники, отчаянные и бунтари». В эпоху реакции этот новый тип деревенских

людей, тогдашних «озорников» и будущих хулиганов, стал особенно четко выявляться, и людей этого типа становилось все больше и больше (см.: [28, с. 27]). Энергичные, бесшабашные и разнузданные, они в духе «карнавальности», не следуя общепринятым нормам, делали то, что им захочется.

«Хулиганство – явление у нас не новое, а родственное прежнему озорству, ибо оно, имея с ним одно общее начало своего происхождения, только культивировалось эволюцией жизни в новые, чуждые озорству, совершенно преступного характера форму и вид, – в деяниях прежних озорников усматривалось больше шалости, иногда грубой и дерзкой, чем проступка, по относительной безвредности их выступлений, а хулиганы – озверелые преступники», – писал современник [9, с. 1].

На X собрании русской группы криминалистов отмечались причины распространения хулиганства в деревне: «Уничтожение прежних сдержек и стимулов в связи с кризисом мировоззрения. Падение внешних авторитетов после движения 1905–1906 гг. Исчезновение страха перед начальством и умаление его авторитета: изменение отношения к традиционному порядку русской жизни, рост критики, протеста и недовольства. Исчезновение “страха божия” и падения авторитета духовенства. Крушение традиционной религиозности... Ломка патриархального чина деревенской жизни; падение авторитета стариков. Правовая разруха и господство произвола в деревне. Полицейские препятствия и искусственные тормозы общественному творчеству в деревне и организации новой общественности» [28, с. 29].

Екатеринославское губернское присутствие посвятило вопросу о хулиганстве специальное заседание 26 ноября 1912 г. На нем, в частности, отмечалось, что хулиганство в селах существовало давно, но усилилось оно, главным образом, за последние 10 лет, приблизительно с 1902 г. [33, л. 5]. К хулиганству наиболее склонна была молодежь. Встречались в селах и «профессиональные хулиганы». Как правило, хулиганские поступки осуществлялись в нетрезвом состоянии. Хулиганство выражалось как в невинном «озорстве», нарушении тишины, «пении разгульных песен», так и в проявлениях неуважения к чиновникам, священникам, учителям, старшим по возрасту, оскорблении прохожих бранью, а женщин и девушек – «хватанием за стыдливые места и обнажении таковых», драках на улицах, битьи окон, поджогах и т. п. Иногда доходило до избиения полицейских, бросания бомбы в квартиру урядника, применения оружия, нападений на дома, закладывания

взрывчатки в дымоход, убийств. Хулиганские выходки могли иметь и политическую окраску (см.: [20; 22 и др.]).

Трудность наказания хулиганства заключалась прежде всего в том, что до сих пор такого преступления не существовало и квалифицировать его было нелегко. Часто трудно было провести границу между уголовным преступлением и хулиганским поступком. Эффективность борьбы с хулиганством была крайне низкой. Полицейских сил не хватало. Губернаторы своей властью не имели право изымать «порочные лица», если не была разоблачена их вредная политическая деятельность. Местная сельская власть, терявшая авторитет, не в состоянии была бороться с этим явлением. Руководствуясь существующим законодательством, волостные суды применяли к хулиганам весьма мягкие меры наказания. Сельские общины имели право исключения «вредных и порочных членов», но их возможности в этом плане были ограничены.

Пользуясь безнаказанностью, сельские хулиганы нарушали общественный покой, терроризировали население, держали в страхе односельчан, мстили тем, кто осмеливался пожаловаться на них органам власти. О масштабах этого явления свидетельствуют многочисленные дела о хулиганстве начала XX в. «В последнее время у нас хулиганами творится что-то невероятное. Они вносят смуту, нападают на мирных обывателей, угрозами принуждают их молчать и не заявлять администрации», – писала, например, газета «Подольнин» [24]. Население боялось подавать жалобы и большинство хулиганских поступков не доходило до полиции и суда, а, следовательно, не отображена в архивных документах.

Все авторы сходились на том, что хулиганство – преступление молодости. Молодежи особенно свойственно хвастовство, соревнование, рисовка; всякое мгновенно родившееся в толпе удалство заражает и других участников толпы, а особенно восприимчива к нему молодежь [5, с. 17]. Молодежь первой почувствовала на себе влияние социальных изменений. Современники с горечью отмечали, что деревенская молодежь, выросшая «в эпоху политической разрухи», побывавшая на отхожих промыслах и «вкусившая изнанку городской культуры», не имела устойчивого мирозерцания. Священник Николай Галкин писал: «Разгульной и бесшабашной делается молодежь. Каждый день дает все новые и новые доказательства самого дикого и ничем несдерживаемого хулиганства» [7, с. 605]. «Несдерживаемые велением религиозно-нравственного долга, – писал киевский священник Феодосий Павловский, – деревенские парни отдаются иногда безудержному разгулу, сопровождаемому, благодаря неизбежной в этих случаях выпивке, проявлениями того, что принято называть хулиганством. Самое грустное

в этом отношении, это ... гибельная “свобода” от нравственных обязанностей, сочетаемая с невыполнимыми требованиями и запросами» [21, с. 1129–1130]. Хулиганство означало случайное озорство, преднамеренное применение насилия и сознательно провокационное поведение преимущественно молодых людей и подростков. Как побудительную причину хулиганство имело лишь разной степени «озорство».

Хулиганство генетически связывалось с кощунственным отношением к религии и церкви, хулиган осмеливался разрушить установленную официальной культурой границу между «сакральным» и «профанным» через акт сознательной (или неосознанной) профанации сакрального. Объектом насмешек и хулиганских выходок часто становились приходские священники (см., напр.: [11; 23; 33 и др.]).

Определяющей чертой хулиганских действий была их явная нелогичность, иррациональность. В явлениях хулиганства современники подмечали нечто особенное – бессмысленность хулиганства. Если у преступника мы всегда находим целесообразность, логичность, а чаще всего вынужденность действий, то хулиганский поступок характеризуется бесцельностью поведения, бесполезностью и тем, что кроме вреда хулигану он ничего не дает. Элементы игры, присущие всем указанным явлениям, от невинной шалости до вызывающего возмущение озорства, биологически роднят эти различного, казалось бы, порядка факты. Неуважение к человеческой личности, как таковой, пренебрежение к обществу и к его нравам [5, с. 62].

Характерной особенностью народной культуры, является театральность и зрелищность. Хулиганству присущ признак публичности (без «публики» нет и хулиганства). Хулиган может совершать свои действия и без свидетелей, но обязательно в расчете на их последующее восприятие другими людьми [19, с. 52].

Встает основной вопрос, где граница между шалостью, озорством молодежи и уголовным деянием. «Между озорством, как дурною шалостью, и озорством, как преступлением, по содержанию нет качественного отличия, а есть лишь количественное. Серьезнее – значение поступка, крупнее – последствия, грубее – побуждения. Последними служат разгул, молодечество, животная забава. Они и сообщают преступному действию свойства озорства», – писал С. П. Мокринский [18, с. 878]. На всем поведении хулиганов, – печать «забавы», «потехи», «игры», выходящей из рамок общественно принятого и переходящей в настоящее буйство и бесчинство. Ненависть и презрение к культуре, к обществу и к отдельной личности, слитной с этим

обществом, разрушение ради разрушения, злая и опасная игра, больная воля к злу [15, с. 151]. Как писал М. А. Горановский, «их преступление должно быть определяемо, как преступление, имеющее своею целью выразить содеянием его публично враждебное, презрительное отношение, в лице потерпевших, к представителям власти, интеллигентным и пользующимся достатком лицам без всякого к сему повода» [9, с. 6].

Т. о., хулиганство можно рассматривать как форму антиповедения, оно генетически связано с народной «смеховой» культурой. Определяющей чертой хулиганских действий была их явная нелогичность, иррациональность. В основе хулиганских действий – игра, удасть, озорство, забава, шутка, насмешка. В хулиганстве проявился неосознанный бунт против господствующей культуры, обесценивание культурных норм и ценностей. Хулиганство, в сущности, было лишь оттенком преступления, из хулиганских мотивов могло быть осуществлено любое преступление. Явление хулиганства как проявление кризиса традиционного сознания имело существенные социальные, культурные и политические последствия.

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 тт.– 2-е изд., перераб. и доп.– Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.– Т. 1: От прошлого к будущему.– 804 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.– 2-е изд.– М.: Худож. лит., 1990.– 543 с.
3. Башилов Т. Г. О хулиганстве как преступном явлении, не предусмотренном законом // Журнал Министерства юстиции.– 1913.– № 2.– С. 47–51.
4. Благовещенский П. А. О борьбе с хулиганством: из епарх. жизни / под ред. д-ра церк. истории С. Г. Рункевича.– СПб.: Синод. тип., 1914.– 12 с.
5. Бугайский Я. Хулиганство, как социально-патологическое явление.– М.; Л.: Молодая гвардия, 1927.– 100 с.
6. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия.– М.: РОССПЭН, 1997.– 376 с.
7. Галкин М., свящ. К чему нас обязывает текущий момент // Приходской священник.– 1913.– Апрель.– С. 599–612.
8. Гірц К. Інтерпретація культур: вибрані есе / пер. з англ.– К.: Дух і Літера, 2001.– 542 с.
9. Горановский М. А. Хулиганство и меры борьбы с ним.– Гродна: Губернская тип., 1914.– 24 с.
10. Громов В. И. Безмотивное преступление (По вопросу ответственности за хулиганство) // Журнал Министерства юстиции.– 1913.– № 5.– С. 50–79.
11. Дело по жалобе священника Базилевича о нападениях на него селян. 14 окт. 1913–27 нояб. 1913 // Государственный архив Черниговской области.– Ф. 128.– Оп. 1.– Д. 13429.– 7 л.

12. Дикая забава // Подолянин. Ежедневная политическая, общественная и сельскохозяйственная газета. – Каменец-Подольский. – 1913. – 6 дек.
13. К вопросу о мерах борьбы с хулиганством: проект министра юстиции // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. – 1913. – № 4. – С. 103–114.
14. Ключевский В. О. Из черновых материалов к курсу «Западное влияние в России после Петра» // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. – М.: Наука, 1983. – С. 349–364.
15. Краснушкин Е. К. К психологии хулиганства // Хулиганство и поножовщина / под ред. Е. К. Краснушкина, Г.М.Сегал, Ц. М. Файнберг. – М.: Издание Мосздравотдела, 1927. – С. 150–157.
16. Крумбмиллер В. В. Злободневный вопрос: Хулиганство и борьба с ним: По поводу законопроекта М-ва юст. – Харьков : Тип. В. Д. Цукермана, 1913. – 27 с.
17. Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства // Ленин В. И. Полн собр. соч. – Т. 23. – С. 274.
18. Мокринский С. П. Озорство и хулиганство // Еженедельник советской юстиции. – М., 1924. – № 37. – С. 877–880.
19. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 тт. – Т. 3. Особенная часть (главы XI–XXI). – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 656 с.
20. О группе крестьян Купянского уезда, арестованных за появление в общественном месте в нетрезвом состоянии и оскорблении царя. 1 июля–12 февр. 1915 // Государственный архив Харьковской области. – Ф. 3. – Оп. 287. – Д. 5240. – 8 л.
21. Павловский Ф., свящ. По вопросу о народных нравах в современной деревне / / Киевские епархиальные ведомости. – 1913. – № 44. – Часть неоф. – С. 1128–1130.
22. По доносу на жителей села Камня Гремячской волости Новгород-Северского уезда братьев Самусенко о политической их неблагонадежности. 25 марта 1913–9 июня 1913 г. // Государственный архив Черниговской области. – Ф. 128. – Оп. 1. – Д. 13438. – 5 л.
23. По заявлению священника с. Вербы о буйстве в церкви прихожан с. Вербы братьев Максимовых, Гниповых и др. 24 июня 1913–10 июля 1913 г. // Государственный архив Черниговской области. – Ф. 128. – Оп. 1. – Д. 13430. – 3 л.
24. Подолянин. Ежедневная политическая, общественная и сельскохозяйственная газета. – Каменец-Подольский. – 1913. – 19 мая.
25. Праздники и народное оскуднение // Церковный вестник, издаваемый при С.Петербургской духовной академии. – 1903. – № 12 (20 марта). – С. 353–357.
26. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре древней Руси // Успенский Б. А. Избр. труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. – С.321–332.
27. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избр. труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 2. – С. 67–161.

-
28. Утевский Б. Хулиганство в эпоху 1905–1914 гг. / Б.Утевский // Хулиганство и хулиганы: сб. / Государственный ин-т по изучению преступности и преступника / В.Н. Толмачев (ред., предисл.).– М.: Издательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1929.– С.20–37.
 29. Фирсов С. Экспроприация совести. Хулиганство как социальное явление // Звезда.– СПб., 1997.– № 9.– С. 178–187.
 30. Фоменко К. И. Хулиганство.– К.: Тип. АО печ. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, [1913].– 8 с.
 31. Хулиганство и поножовщина / под ред. Е. К. Краснушкина, Г. М. Сегал, Ц. М. Файнберг.– М.: Издание Мосздравотдела, 1927.– 158 с.
 32. Хулиганство и хулиганы: сб. / Государственный ин-т по изучению преступности и преступника / В. Н. Толмачев (ред., предисл.).– М.: Издательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1929.– 172 с.
 33. Циркуляр Земского отдела Министерства внутренних дел, протоколы заседаний губернского присутствия об усилении ответственности за преступные действия. 28 июня–7 сент. 1913 г. // Государственный архив Днепропетровской области.– Ф. 681.– Оп. 1.– Д. 4.– 52 л.
 34. Шапошников В. Н. Хулиганы и хулиганство в России: аспекты истории и литературы XX в.– М.: Моск. лицей, 2000.– 271 с.
 35. Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков.– М.: ТЭРРА, 1996.
 36. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность.– М., 1996.– № 4.– С. 87–97.
 37. Frierson C.A. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // Slavic Review.– 1987.– Vol. 46, № 1.– P. 55–69.
 38. Gorsuch A. E. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents.– Bloomington: Indiana University Press, 2000.– 288 p.